

Литературная страница

В. Коврижных

Из будущей
книги

Своего я отыскивал Бога
вечерами за Лысой горой.
Уводила в туманы дорога,
осенняя неясной тоской.

Мне мерещились тайные знаки,
чей-то голос спускался с высот.
Я за голосом крался во мраке
и записывал речи в блокнот.

Но однажды, когда я в пределах
этих шлялся, растаял туман,
и две женщины - в черном и белом -
привели, указали на кран.

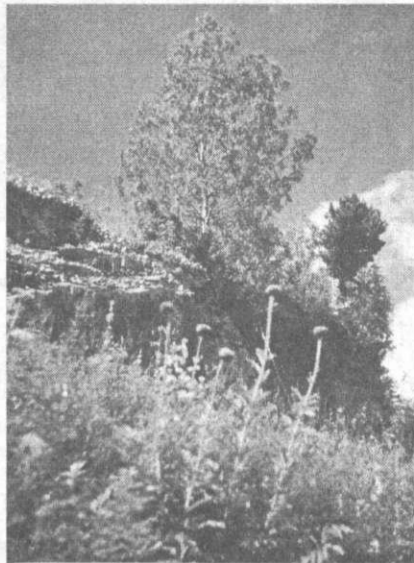
Он стоял, полный скорби и пыли,
с осознанием вины и стыда.
И я понял: его не любили
ни хозяйин, ни ангел труда...

Рычаги его к сердцу приблизив
и, инструкциям всем вопреки,
пел высокою дудкою дизель,
откликались в стреле огонки.

В.И. Нестерову

Льет породу в рошу экскаватор,
поднялись отвалы позади.
Пред Природой буду виноватым,
хоть сияет орден на груди.

Подберу к мелодии металла
молодой черемухи слова.

Свет заводов вспыхнет до Урала,
но цветы погаснут и листва.

Для страны пожертвовал судьбою,
и скажу известною строкой:
людям свет несущей одной рукою,
высыхают реки от другой.

Чтоб потери были не напрасны,
говорю стране своей судьбой:
будь же ты могучей и прекрасной,
не имеешь права быть другой...

Пастушиха

Она звалась в деревне - Пастушиха
(покойный муж ее был пастухом).
И каждый вечер к остановке тихо
брела встречать кого-то с узелком.

Свечою у дороги долго стыла
и шла назад растерянной, ни с чем.
И шепотом деревня говорила:
мсл, выжила из памяти совсем.

Знать, тронулась, сердешная, умишком,
Забыла, как, кляня военный мор,
оплакала детей своих погибших
и ждала ей больше некого с тех пор...

Она смешной казалась мне - такая.
Но кое-кто считал наоборот:
в ней память воплощенная людская
и ей она покоя не дает...

Давно свеча погасла, но порою
является растерянной опять.
Как будто бы забыла за собою
захлопнуть дверь...

Да дверь не отыскать.

Не стеснясь стать сентиментальным,
на холме зеленом, за селом
я вхожу в березник пасторальный
помечтать и вспомнить о былом.

Летний голос счастья и свободы
долетит на тихом ветерке,
и березы - рукопись Природы
на листвяном, птичьим языке.

Заколышет полдень небосвода
птичий свист с глаголами берез.
Ясен смысл душе без перевода
до печали светлой и до слез...

Золотые блики, словно слитки,
засветили сумеречный двор.
Тихий дом. Скамейка у калитки
и известкой беленый забор.

Здесь мир живет вечерним небом:
загнан скот, стихают зелена...
Я давно в знакомом доме не был,
не узнают, здесь, поди, меня.

Из-за шторы кто-то мельком глянет,
и хозяйин, выйдя на крыльцо:
- Нет таких! Уехали в Челябинск,

скажет, глядя пристально в лицо.

Я окину взором дворик снова,
у калитки молча постою.
И следы присутствия бывшего
Со щемящей грустью узнаю...

***

Млеет кошара соломенным светом,
майскою синью цветут небеса.
Санька Шушарин опять на все лето
жить убегает из дома в леса.

В доме у Саньки не водится счастье.
Бьет его отчим и мамка кричит...
В сумке холщовой - продукты и снасти,
нож самодельный из сумки торчит.

- Лук на подходе... А там и рыбалка.
Справлю шалаш на Юрманских ключах...
Санька - мой друг. И мне так его жалко:
страшно, поди, одному по ночам.

- Мне бы картохи немного и хлеба...
И вздох сожаленья застыл на губах.
У Саньки в глазах - продолжение неба,
черные солнышки в синих глазах...

Прятал я хлеб для него за кошарою.
Однажды нетронутым хлеб будет там!
До осени поздней охотники шарили
по дальним и ближним окрестным лесам.

И, несмотря на облет вертолета,
его не найдут. И никто не узнал:
То ли пропал он в Чухтинских болотах,
то ли в лесах Токовинских пропал.

Помню, как ночью в лесу нелюдимом
сердце щемило, слезило в очах.
Все чудилось мне запах горького дыма
и дальний костер на Юрманских ключах.

...Истлела солома. След бывшей кошары
попынью и жгучей крапивой зарос.
Здравствуй, товарищ мой,
Санька Шушарин.
Я тебе хлеба принес...

Исполнилось пять лет, как ушел из жизни поэт и художник Александр Федорович Пархаев. Ему было 69 лет. Его сердце остановилось, когда он вышел из городского отдела культуры и направился в типографию, чтобы получить тираж своей четвертой книги "Природы дивная краса". Но даже когда сердце перестало биться, оно все равно было согрето любовью. В левом кармане пиджака у Александра Федоровича лежала фотокарточка, с которой он не расставался более сорока лет, - фотография его единственной в жизни любимой...

Во дворе своего дома сидит на скамейке пожилая женщина. Она разговаривает с соседями, отдыхает. И посторонний прохожий никогда не догадается, что эта женщина самая счастливая и самая несчастная одновременно.

Я слушала историю и плакала вместе со своей собеседницей. Такое случается редко. ...Как только новенькая ученица вошла в класс, Александр полюбил ее с первого взгляда. Кареглазая девочка с длинной косой стала причиной его бессонных ночей. Но он не крутился вокруг новенькой, как другие мальчишки-одноклассники. Свою юношескую пылкую любовь к Людмиле он проявлял нежно и застенчиво. Почти через день на парте у девушки появился новый тетрадный листок со стихотворением:

Без тебя я жестоко страдаю,
Сердце ноет от горестных мук.
Как во сне, одиноко блуждаю,
Озираясь тревожно вокруг.
Девочки из класса ревновали одноклассника к новенькой. Одна из соседок Людю по парте по имени Физа как-то возмутилась: "Неужели в нашем классе больше нет красивых девушек, кроме Людю? Неужели, кроме нее, больше некому посвящать стихи?"

А в ответ появилось новое стихотворение:

Да, Физа, без сомнения,
Людю - чистый гений.
Краса ее чудесна,

"БЕЗ ТЕБЯ Я ЖЕСТОКО СТРАДАЮ..."

Душой, словами честна... и:

Пускай они косятся
И с завистью глядят.
Но ты не смей бояться,
Не опускай свой взгляд.
Они тебя не стоят -
Скажу им напрямик.
И пусть не беспокоят
Твой милый нежный лик...

Со временем Людю (девичья фамилия Сегитова) тронула чистая и нежная любовь одноклассника Саши Пархаева. Она проводила его в армию и перед отъездом подарила свою фотографию, с которой он не расставался до самой смерти. В 1954 году Людю и Саша поженились.

В этом году супруги Пархаевы отметили бы свою золотую свадьбу. Но Людмила Афанасьевна день 19 мая встретила одна. Не было в этот день, как в былые годы, заветного тетрадного листочка на тумбочке. Но образ и душа ее Саши остались в стихотворениях:

Ты всплываешь предо мной, как светило,
Озаряя лучами очей.
И сверканьем нежно и мило
Разжигашь любовь горячей.
После службы в армии

Александр Пархаев поступил в Томский государственный университет. Однако учебу пришлось оставить. Семья была большой, он не мог позволить себе находиться на иждивении у родителей. Устроился работать кочегаром на паровоз, а позже окончил Тайгинский железнодорожный техникум. Более двадцати лет отработал на железной дороге в Краснобродском погрузочно-транспортном управлении. Природа одарила Александра Федоровича талантом не только поэта, но и художника. Теперь трудно сосчитать, сколько картин им написано. В доме осталась только одна из них, выполненная маслом. Ос-

тальные Пархаев раздарил. У Людмилы Афанасьевны Пархаевой 28 апреля день рождения. К этому дню всегда появлялось новое послание, новое признание от мужа. Кто из женщин может сказать, что после шестидесяти лет им продолжа-

ют объясняться в любви? А еще в это утро Людмила Афанасьевна, просыпаясь, точно знала, что в вазочке на столе ее ждут подснежники. Так было на протяжении сорока пяти лет.

С годами его любовь становилась только крепче. Воспитание дочерей Ирины и Татьяны, проблемы семейного быта не пошатнули тот пьедестал, на котором царил его Людмила. Мы друг друга поистинне любим, Понимаем друг друга без слов. А ведь есть бесшабашные люди, Будто вещь, в жизни ищут любовь.

Кто-то просит любви со слезами. Я ее принимаю без слез. Потому что ее между нами Закрепили мы клятвой всерьез... У Людмилы Афанасьевны в жизни было много поклонни-

Кто-то просит любви со слезами. Я ее принимаю без слез. Потому что ее между нами Закрепили мы клятвой всерьез... У Людмилы Афанасьевны в жизни было много поклонни-

Кто-то просит любви со слезами. Я ее принимаю без слез. Потому что ее между нами Закрепили мы клятвой всерьез... У Людмилы Афанасьевны в жизни было много поклонни-

Кто-то просит любви со слезами. Я ее принимаю без слез. Потому что ее между нами Закрепили мы клятвой всерьез... У Людмилы Афанасьевны в жизни было много поклонни-

Всей душой тебе принадлежу. День и ночь твоё большое имя, Как молитву чудную, твержу. И всегда стремлюсь я дорогая, Всей душой только лишь к тебе. Разве может женщина другая Быть моей избранницей в судьбе?..

Из дневника Людмилы Пархаевой: "28 августа 2001 года. Саша, любимый, у нас родился второй правнук, Артем. Ты был бы очень счастлив. Ну почему ты рано так ушел?.."

После смерти мужа Людмила Афанасьевна стала разбирать его архив и переписывать стихи в одну тетрадь. Здесь же она делает свои записи. Если бы Александру Федоровичу суждено было жить еще, то на свет появилась бы его пятая книга. Она была уже готова в рукописном виде. В нее вошло бы около двухсот новых стихотворений. Но он не успел. Зато успел написать прощальное послание своей единственной любви.

Из дневника Людмилы Пархаевой: "Эти строки я нашла у Саши в тетради. Наверное, у него было предчувствие. Он прощался со мной."

"Прощай, святая почва та, Где ходят ножки дорогие. И те знакомые места, Где встретил я тебя впервые..."

Свою любовь к тебе я пронес нежно и бережно через всю свою жизнь. Не было и нет у меня женщины лучше и любимее, чем ты. Помни меня, моя любовь.

Твой Александр".
Подготовила
Снежанна СОКОЛОВА.